

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ Ю. В. БРОМЛЕЯ «ЭТНОС И ЭНДОГАМИЯ»

В разделе «Дискуссии и обсуждения» журнала «Советская этнография» (1969, № 6) была опубликована статья Ю. В. Бромлея «Этнос и эндогамия».

5 февраля 1970 г. в Институте этнографии АН СССР на совместном заседании двух теоретических семинаров (методологическом и по национальным проблемам) состоялось обсуждение названной статьи.

Ввиду большой научной значимости затронутых проблем редакция сочла полезным опубликовать материалы состоявшейся дискуссии и попросила Ю. В. Бромлея дать развернутый ответ на выступления участников этого обсуждения.

* * *

Ю. В. Бромлей. (Вступительное слово). Поскольку обсуждается уже опубликованная статья, ограничусь в основном некоторыми комментариями к ней.

Прежде всего относительно терминов, которые вошли в название статьи «Этнос и эндогамия». Первый термин, «этнос», как будто не вызывает особых вопросов. Но все-таки я позволю себе обратить ваше внимание на то, что, когда я в первый раз делал доклад на эту тему в апреле прошлого года в Ленинграде, он назывался «Этнические общности и эндогамия». Публикуя же статью, я назвал ее «Этнос и эндогамия». Почему? Потому что между этими двумя терминами, несмотря на то, что они почти идентичны, мы все же практически делаем некоторое различие.

Этническая общность, как справедливо, на мой взгляд, заметил в своей статье, посвященной данному вопросу, Н. Н. Чебоксаров, все-таки понятие более широкое, чем «этнос»¹. Под этнической общностью мы понимаем всю этническую иерархию, начиная от этнографической группы и кончая этно-лингвистическими общностями. Под этносом, как правило, разумеется та основная этническая ячейка, которую обычно в просторечии называют народом, т. е. это племя, народность, нация. Впрочем, нередко этот термин употребляется в еще более узком смысле слова — близком к понятию «национальность».

Что касается термина «эндогамия», то он употребляется в статье в несколько непривычной форме. Ему придано буквальное значение слова «эндо» — внутри, «гамос» — брак, то-есть брак внутри группы. Мы же, этнографы, привыкли придавать ему условное значение, как запрет браков вне определенной группы. Но, очевидно, можно говорить о двух значениях этого термина (ведь большинство научных терминов, к сожалению, многозначно): в одном случае о нормативной, а в другом — о фактической эндогамии.

И если понимать эндогамию в таком смысле слова, иначе говоря, в широком значении этого термина, то оказывается, что не только ранние формы этноса, такие, как племя, являются эндогамными, но и поздние типы этноса обычно обладают эндогамией. Об этом, в частности, свидетельствуют приведенные в статье данные, относящиеся к различным этносам, в том числе к современным крупным нациям.

Конечно, можно найти немало исторических примеров нарушения эндогамии. Но, если наблюдается существенное увеличение неэндогамных браков, это, как правило, в конечном счете влечет за собой неизбежное разрушение самого этноса.

Наличие у этносов, находящихся в устойчивом состоянии, эндогамии имеет важное значение для их существования. Эндогамия обеспечивает этническую однородность семьи, а именно семья в тех или иных ее формах в большинстве общественно-экономических формаций передает традиционную культуру. Тем самым эндогамия обеспечивает однородность традиционной культуры, передачу ее из поколения в поколение, т. е. играет роль своеобразного стабилизатора этноса, ибо традиционная культура, в широком значении этого термина (включая и язык) — основной носитель этнической специфики.

¹ Н. Н. Чебоксаров, Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых, «Сов. этнография», 1967, № 4, стр. 96.

Но, вместе с тем, эндогамия создает для этноса своеобразный генетический барьер. Ибо заключение браков в пределах замкнутой общности ведет к ее изоляции не только в культурном, но и в генетическом отношении.

Кстати, речь идет о явлении, относящемся к научной дисциплине, которая не так давно в нашей стране, к сожалению, недооценивалась. И отнюдь не исключено, что как раз в этом и следует искать одну из причин того, что в нашей гуманитарной литературе столь долго оставалось фактически неотмеченным наличие у этнических общностей генетических барьеров. Факт самоочевидный и уже не раз фиксировавшийся в естественно-научной литературе. И хотя генетические последствия эндогамии для этноса в нашем представлении имеют третьестепенное значение, однако недостаточная освещенность этого вопроса в гуманитарной литературе заставляет нас остановиться на нем несколько подробнее.

Как отмечается в статье, наличие такого генетического барьера влечет за собой появление сопряженной с этносом популяции. Термин «популяция», как известно, употребляется в самых различных дисциплинах. И, например, в демографической, экономической, географической литературе данным термином обычно обозначают совокупность жителей определенных территориальных единиц или обитаемого ареала. Но в нашем случае речь идет о популяции как генетической единице, которая в таковом качестве фигурирует не только в биологии, но и в антропологии. В советской антропологической литературе элементарная человеческая популяционная единица — «дем» — определяется как группа людей, заключающих браки на протяжении нескольких поколений только между собой². Иными словами, дем — это устойчивая, эндогамная группа в нашем понимании данного термина.

Следует, однако, учитывать, что практически, особенно в современных условиях, брачные связи обычно, за исключением изолятов, не ограничиваются только рамками дема, и, стало быть, речь может идти лишь о его относительной эндогамии. В силу этого соседние демы нередко частично перекрывают друг друга. В результате образуется своеобразная брачная непрерывность, а это в свою очередь приводит к созданию более крупных популяций, объединяющих несколько демов.

Вообще следует иметь в виду, что популяции — явление иерархичное. При этом перед нами иерархия, построенная не только по принципу концентрических (вписанных друг в друга), но и пересекающихся, частично совпадающих кругов. Основание этой иерархии составляет дем, а ее высший уровень — в известном смысле все человечество, являясь в конечном счете тоже популяцией. Между ними расположено огромное число территориальных, социальных, этнических и даже расовых общностей, рамками которых преимущественно и ограничиваются брачные связи представителей таких общностей. Являясь, таким образом, самостоятельными популяциями, все эти общности в данном качестве отличаются друг от друга прежде всего степенью интенсивности ограничивающих их генетических барьеров.

Одним из важных и, вместе с тем, достаточно сложных является вопрос о соотношении между популяцией и расой. Каждая популяция, несомненно, характеризуется тенденцией к усилению однородности генетического фонда, т. е. стремлением к превращению в расовое подразделение. Именно это свойство популяции, как полагают сторонники популяционной концепции, и привело к образованию рас. И все же не обязательно совпадение популяции с расой или даже с расовым подразделением. Для сопряженных с этносом популяций такое совпадение вообще скорее исключение, чем правило.

Более того, существует немало сопряженных с этносом популяций, состоящих из представителей разных рас. Таковы, например, популяции, образованные нациями Латинской Америки. Но даже такие популяции, состоящие из разных рас, обладают отмеченной выше тенденцией выравнивания отличий между генетическими фондами составляющих их расовых компонентов. Для иллюстрации этого положения в статье делается ссылка на тот факт, что в Бразилии в результате заключения межрасовых браков за 90 лет (с 1819 по 1910 г.) число мулатов возросло в три раза, достигнув 60% общей численности населения. Иными словами, более половины бразильцев к началу этого века составляли новый, промежуточный антропологический тип.

Интенсивность подобных процессов зависит от самых различных факторов, прежде всего от численности сопряженной с этносом популяции, от длительности ее существования (количество сменявшихся поколений), от степени проницаемости ее внешнего генетического барьера и внутренних (междемных) генетических, в том числе социальных, перегородок.

Для сколько-нибудь значительных антропологических сдвигов в рамках больших популяций требуется смена многих и многих десятков поколений. Между тем, немалая часть сопряженных с этносами популяций существует гораздо меньшее время, чем то, которое необходимо для таких сдвигов. В результате генетические последствия эндогамии для этих этносов не столь существенны и практически неуловимы. Например, если у японцев указанный процесс привел к созданию своеобразного антропологического типа, то у итальянцев этот процесс не дал столь же наглядных результатов. Но сама общая направленность подобных процессов весьма показательна. И, видимо, она-то и является одной из важнейших объективных предпосылок использования палеоантропо-

² V. V. Bunak. The evolution of the elementary unit of population (dem) and its anthropological significance, M., 1968, p. 1.

логических данных при изучении этногенеза народов. Именно поэтому мы можем привлекать антропологические данные для наших исследований, посвященных происхождению народов.

Итак, большая популяция — это динамическая система, стремящаяся приобрести свой особый генофонд, т. е. расовые черты. Раса же — это результат процессов, протекающих в популяциях, притом процессов чрезвычайно длительного. Не приходится забывать и о том, что большинство основных расовых подразделений, включая антропологические типы, сложилось в далеком прошлом, на заре человеческой истории. И хотя эти процессы протекают и ныне (об этом иногда у нас забывают), они имеют, как правило, характер незначительных модификаций. Словом, популяционные и расовые подразделения человечества, хотя и тесно взаимосвязанные, однако далеко не идентичные антропологические категории.

Взаимосвязь между этносом и популяцией уже не раз отмечалась в специальной литературе. Более того, существует точка зрения, будто бы популяция составляет основу этноса. В нашей литературе это представление развивается, как известно, Л. Н. Гумилевым. Вот как он это обосновывает: «Этнос более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени. Нет ни одного реального признака для определения этноса, применимого ко всем известным нам случаям: язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда и нет». «Вынести за скобку, — подчеркивает он далее, — мы можем только одно — признание каждой особи: „мы такие-то, а все прочие другие“». И отсюда делается вывод: «поскольку это явление повсеместно, то следовательно оно отражает некую физическую или биологическую реальность»³. Однако остается непонятным, почему «повсеместность» делает эту «некую реальность» физической или биологической. Напротив, антитеза «мы» — «они» обычно как раз основана в первую очередь на этнокультурных различиях. Притом, поскольку признаки этноса представляют целостную систему, в одном случае на передний план в качестве решающего отличительного признака может выдвигаться один, в другом — иной компонент этноса. Сведя сущность этноса к «физической или биологической реальности», Л. Н. Гумилев в конечном счете полностью отождествил его с популяцией⁴.

Между тем, в действительности сопряженная с этносом популяция — сама явление производное от него, от тех факторов, которые образуют эндогамию этноса, — а это в основном социальные факторы. Таким образом, не популяция основа этноса, а социальные факторы, образующие этнос (этническое самосознание в том числе), превращают его в популяцию. То есть перед нами картина прямо противоположная той которую дает Л. Н. Гумилев. Поскольку роль социальных явлений в жизни общества, человечества в целом все более и более возрастает, естественно, социальные факторы начинают играть все большую и большую роль в образовании популяций.

В заключительной части статьи затрагивается следующий вопрос. Эндогамия, как мы видели, является свойством устойчивого этноса, а всякое свойство того или иного явления, на мой взгляд, может рассматриваться как его признак. Но я рассматриваю эндогамию как дополнительный, а не основной признак этноса. Почему? Потому что, как мне представляется, среди этнических свойств особенно важны те, которые наглядно отличаются один этнос от другого, т. е. представляют собой внешне сравнительно легко уловимое выражение коренных свойств этноса. Но в некоторых случаях, когда мы не располагаем достаточно наглядными этническими показателями, эндогамия, на наш взгляд, может служить дополнительным критерием для определения — является ли та или иная общность этносом или не является таковым. В частности, в споре о том, что является основной этнической ячейкой первобытного общества — род или племя, критерий эндогамии явно говорит в пользу эндогамного племени, а не экзогамного рода. Полагаю, что и в некоторых других спорных случаях критерий эндогамии может оказаться полезным для решения вопроса, является ли рассматриваемая общность этнической.

М. С. Иванов. Мы обсуждаем важный вопрос, имеющий очень большое принципиальное значение для нашего Института, для того направления, в котором развиваются исследования в Институте этнографии АН СССР.

Прежде всего о терминах «этнос» и «эндогамия». Во вступительном слове Ю. В. Бромлей, отметил различие в понимании им терминов «этнос» и «этническая общность». В его статье такое различие не проводится. В беседах, которые у меня были с Ю. В. Бромлеем, он тоже говорил, что этнос — это и есть этническая общность. Из его объяснений, которые мы слышали, я так и не понял, в чем же, по его мнению, отличие между этносом и этнической общностью. В таком случае, зачем же вводить новый термин вместо бытующего в нашей литературе термина «этническая общность»? Что такое этнос? Этнос — греческое слово, означающее народ. В этом термине, мне кажется, исчезает специфика этнической общности как общественно-исторической категории, стирается специфика этнической общности в различные периоды развития человеческого

³ Л. Н. Гумилев, О термине «этнос». «Доклады Географического общества СССР», вып. 3, Л., 1967, стр. 5.

⁴ Там же, стр. 14.

общества. Так что вопрос о том, стоит ли заменять термин «этническая общность» термином «этнос», еще следует внимательно обсудить.

Обычно в нашей исторической литературе термин «эндогамия» применялся и применяется главным образом в отношении первобытнообщинного строя. Конечно, можно применять этот термин расширительно, но все же, употребляя его применительно к современности, мы невольно стираем разницу между первобытнообщинным строем и современным обществом.

Теперь по существу той концепции, которую предлагает Ю. В. Бромлей. Конечно, нельзя отрицать, что брак внутри данной этнической общности играет существенную роль в ее жизни, но не единственную и не решающую.

В статье Ю. В. Бромлея эндогамия рисуется как главный объективный механизм этнической интеграции. Ю. В. Бромлей пишет, что «эндогамия присуща этносу с момента его зарождения», а значительное нарушение эндогамии этноса ведет к его исчезновению, ведет к его разрушению. Следовательно, без эндогамии нет этноса, нет этнической общности.

Эндогамия, по мнению Ю. В. Бромлея, играет роль генетического барьера, т. е. сохранения общего генофонда, генов, присущих данному этносу. Отсюда автор обсуждаемой статьи делает вывод, что «эндогамия — это характерная черта этноса», в то время как другие признаки этнических общностей — территориальные, языковые, культурные — присущи большинству других видов социальных институтов и поэтому, **надо сделать вывод, не являются характерными чертами этнической общности.** Ю. В. Бромлей, перечисляя другие признаки и факторы формирования этнической общности, проходит мимо экономических связей. Эти связи в его статье, да и в выступлении, отсутствуют в качестве фактора, который играет большую роль в формировании и развитии этнической общности.

Эндогамия характерна и для этноса первобытнообщинного строя, и для нации то есть современного общества. Из этого приходится сделать вывод, что она сохраняет при помощи генетического барьера в этносе общий генофонд. Но при таком толковании этническая общность теряет исторический характер, характер общественно-исторической категории. Специфика этнических общностей различных периодов развития человека, различных общественно-экономических формаций таким образом исчезает. По концепции Ю. В. Бромлея получается, что посредством эндогамии, которая создает этнический барьер, этнос сохраняет свою специфику и на этапе первобытнообщинного строя, и на этапе развития нации. Это следует из всей его концепции. Имеется, таким образом, прямая линия сохранения специфики этноса на протяжении различных этапов развития человеческой истории, в периоды существования различных общественно-экономических формаций.

В таком толковании этническая общность приобретает характер не общественно-исторического явления и общественно-исторической категории (она изменяется и развивается не в зависимости от общественных изменений, которые претерпевает человеческое общество), а характер биологической категории. И хотя Ю. В. Бромлей здесь говорит, что выступал против того понимания популяции, которое выдвигает Л. Н. Гумилев, но по существу он сам выступает сторонником этой позиции.

Не случайно в резюме статьи Ю. В. Бромлея этническая общность в то же время объявляется антропологической (т. е. расовой) группой. Но мы знаем, что с марксистской точки зрения расовые и этнические общности — это разные категории. Антропологическая общность — группа, которая имеет особые физические, биологические черты, отличающие одну группу людей от другой.

Правда, Ю. В. Бромлей, делает оговорку о значении социальных факторов для этнической общности. Он говорит, что эндогамия является не основным, а дополнительным признаком человеческой общности. Но эти оговорки в его концепции звучат именно как оговорки, так как им не остается места в его схеме. Ведь о роли экономических связей в развитии этнических общностей он даже не упоминает. А языковые, культурные и территориальные связи он считает не характерными признаками этнических общностей.

Какие выводы следуют из всего этого? Во-первых, в концепции Ю. В. Бромлея нет исторического подхода к рассмотрению проблем этнической общности. У него получается, что этнос на стадии нации является продолжением развития этноса, который существовал на самых ранних этапах развития человека. Но вспомните, как резко критиковал В. И. Ленин в своей работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» народника Михайловского, который объявил национальные связи продолжением и обобщением родовых связей.

Во-вторых, в концепции Ю. В. Бромлея о развитии этноса по существу игнорируется значение общественно-экономических факторов, роль общественно-экономических формаций для развития этнических общностей.

В-третьих, он даже не упоминает значения экономических связей для развития этнической общности, а мы знаем, какое огромное значение, особенно при формировании нации, имели эти экономические связи. В. И. Ленин, полемизируя с народниками, особенно подробно все это разъяснял.

В-четвертых, Ю. В. Бромлей объявляет этническую общность в то же время антропологической, т. е. расовой группой. Но это противоречит фактам.

В истории было и есть много таких примеров, когда в состав этнических общно-

стей входят представители различных антропологических типов. Достаточно сослаться на Соединенные Штаты, Бразилию и т. д. Можно сказать, что этнические общности, как правило, формируются из представителей различных антропологических групп.

В заключение хочу также отметить совпадение ряда положений концепции Ю. В. Бромлея с положениями книги В. И. Козлова «Динамика численности народов»⁵.

М. Я. Берзина. В своем выступлении М. С. Иванов остановился на резюме (на английском языке) к статье Ю. В. Бромлея, в котором, по словам выступавшего, этническая общность объявляется антропологической группой. Поскольку я перевела это резюме на английский язык, считаю необходимым разъяснить, что в тексте резюме на русском языке не было выражения «антропологическая группа». Там имелось слово «популяция». Перевод его на английский словом «population» сделал бы текст двусмысленным, непонятным. Поэтому я перевела это слово несколько более общим выражением «anthropological group», которое в английском языке, как известно всем специалистам по зарубежной этнографии, означает не только антропологическую, но и этнографическую и этнокультурную группы в самом широком смысле слова и отнюдь не тождественно понятию расовой группы; это понятие выражается по-английски словами «racial group». Переводить обратно с английского языка на русский выражение «anthropological group» словами «антропологическая группа» и тем более «расовая группа», как это сделал М. С. Иванов, неправомерно.

Д. Д. Тумаркин. Мне кажется, что М. С. Иванов неправильно понял и истолковал ряд положений статьи и выступления Ю. В. Бромлея. Так, Ю. В. Бромлей ясно сказал о соотношении понятий «этнос» и «этническая общность». Об этом же немало говорилось ранее на страницах «Советской этнографии». Ю. В. Бромлей нигде не утверждал, что этнос — вечный социальный организм, дошедший до нас из первобытности. Этноты возникают и исчезают, трансформируются в ходе социально-экономического развития человечества. Параллельно изменяются и формы эндогамии, но она характерна для всех типов этноса.

Одна из существенных особенностей современного научного прогресса — синтез научных знаний на основе взаимодействия общественных и естественных наук. Например, для решения проблемы происхождения полинезийцев и путей заселения Полинезии недостаточно материалов только общественных наук. Исследователи этой проблемы широко привлекают данные антропологии, палеогеографии, ботаники, зоологии и даже океанологии и метеорологии. При изучении этногенеза полинезийцев приходится оперировать такими понятиями, как «популяция», применять термин «изолят», ибо полинезийская этническая общность возникла в условиях длительной изоляции из одной или нескольких групп морских скитальцев. В этой изоляции завершилось формирование полинезийского антропологического типа, сложились полинезийский язык-основа и многие особенности общеполинезийской культуры. Конечно, миграция предков полинезийцев на острова Океании, особенности расселения в островном мире, степень изолированности отдельных групп и т. д. определялись социальными факторами, прежде всего уровнем социально-экономического развития. Но эти социально-исторические процессы происходили в определенной естественной среде и имели некоторые (разумеется, вторичные, производные) антропологические последствия.

То же самое можно сказать об эндогамии, весьма характерной для этносов, на которые со временем разделилась полинезийская этническая общность. Этот обычай, как правило, сохранился у них и в условиях колониального режима. На Гавайских же островах, где под действием конкретных социальных факторов возобладали смешанные браки, происходит размытие местного полинезийского этноса (гавайцы) и даже возникает опасность его исчезновения.

Мне представляется плодотворной попытка Ю. В. Бромлея обогатить наши представления об этнических процессах; его основные выводы подтверждаются полинезийским материалом. Этнографы хорошо знают, что большинство браков заключается в пределах конкретного этноса, если он находится в устойчивом состоянии, и что эта закономерность характерна для этносов всех типов. Поэтому прав Ю. В. Бромлей, считая эндогамию (в широком значении этого термина) дополнительным признаком этноса как социального института; очевидны также генетические последствия длительной эндогамии. Все это вполне укладывается в марксистское понимание диалектической связи биологического и социального. Было бы желательно, чтобы Ю. В. Бромлей продолжил работу над данной темой, конкретизировав и развив те положения, которые в статье «Этнос и эндогамия» изложены по необходимости кратко.

С. А. Арутюнов. Я поддерживаю мнение о необходимости разграничения терминов этнос (народ), этническая группа (совокупность народов), этнографическая группа (часть народа) и этническая общность (общее родовое понятие для данных видовых). Эндогамию же лучше понимать только как запрещение браков вне группы, а в данном случае — говорить об определенной оформленности или ограниченности круга брачных связей.

⁵ Завершая свое выступление, М. С. Иванов высказал критические замечания по поводу книги В. И. Козлова «Динамика численности народов» (М., 1969). Как отмечали участники обсуждения, эти замечания не имеют прямого отношения к теме дискуссии. Поэтому они не публикуются редакцией.

Далее, надо отметить, что при любом проценте смешанных браков, если их потомство распределяется поровну между брачующимися этносами, этнос не убывает. Таким образом, дело не в проценте смешанных браков, а в социальной обусловленности этнического выбора у потомков.

Вообще брачные связи — это лишь часть общей совокупности всех коммуникативных, информационных связей, которая и определяет целостность этноса. Правда, они особенно важны как канал передачи не только культурной, но и генетической информации. В этой связи сопоставление понятий этноса и популяции представляется весьма плодотворным. Генетические и социально-культурные барьеры во многом совпадают, но нужно лишь отметить, что со временем многие из них исчезают, и особенно сильно стерты они именно в нашей стране. Это, бесспорно, факт положительный.

В статье Ю. В. Бромлея эндогамия не выдвигается как главный фактор. Наоборот, автор подчеркивает, что это — существенный дополнительный ориентир. Действительно, это один из частных ориентиров для выявления общего комплекса связей. Мне кажется, что Ю. В. Бромлей не подменяет общественных категорий биологическими и между позициями Л. Н. Гумилева и Ю. В. Бромлея имеется коренное различие.

В обсуждаемой статье речь идет о том, что, когда оформленность брачных связей резко меняется, когда возрастает процент смешанных браков, происходит этногенетический перелом. Пониманию механизма этой перестройки очень помогает работа Ю. В. Бромлея.

Что касается того, что не упоминаются экономические связи, то все мы, марксисты, знаем, что экономика — это определяющее явление в развитии любой общественно-экономической формации. Поэтому, если мы иногда оставляем экономикой за скобками, то это не значит, что мы ее игнорируем. В целом статья Ю. В. Бромлея, которая, разумеется, содержит и поднимает целый ряд дискуссионных вопросов, на мой взгляд, заслуживает самой положительной оценки, и критика в адрес ее автора в значительной степени основана на недоразумении. То же, кстати сказать, относится и к упоминавшейся здесь книге В. И. Козлова, но это уже предмет для отдельного обсуждения.

С. А. Токарев. В статье Ю. В. Бромлея мы находим существенно новый подход к теме, которая в последнее время вызвала оживленный обмен мнениями. Она открывает новый этап в изучении этнической истории — сказано принципиально новое слово.

Не в том, пожалуй, дело, что Ю. В. Бромлею удалось подметить еще один признак этнической общности. Эти признаки уже не один раз фигурировали в литературе. Является ли эндогамия одним из признаков этнической общности? Несомненно. В обсуждаемой статье это подтверждено бесспорными статистическими подсчетами: если предположить, что однонациональных браков доходит до 90—99%, то что это, как не эндогамия?

Существенное значение имеет попытка автора подойти к этнической общности как к системе, структурному целому. Эндогамия можно рассматривать как своего рода структурообразующий элемент этнической общности. Ведь те признаки этнической общности, о которых обычно говорят, определяют принадлежность индивидуума к данной общности. Если человек говорит по-русски или по-французски, это обычно означает, что он русский или француз, если человек обладает культурным обликом якута или узбека, это означает, как правило, что он якут или узбек. Отрыв человека от культурной общности тем самым как бы ставит его вне этой общности. В то же время изменение культурного облика, даже языка, значительной частью коллектива не уничтожает самой этой общности. Данная общность может разделяться на 2—3 части по языку, культуре, оставаясь сама собой. Мордва говорит на эрзянском и на мокшанском языках, сознавая себя мордвой; ирландцы говорят по-английски и по-ирландски, оставаясь ирландцами.

Другое дело с эндогамией. Она относится не к одному человеку. Русский человек может жениться на грузинке, узбечке, но он не перестанет быть русским. Зато «прорыв эндогамии», когда он нарастает статистически и превышает какой-то максимум, это — угроза существованию этноса, раскол этнического барьера, что приводит к расшатыванию или к распаду этноса. Словом, этот статистический признак относится не к отдельному лицу, а к системе в целом, именно к данному целому коллективу.

Мне кажется, что и в самой статье, и в прениях излишнее внимание обращено на биологическую сторону дела, которая не играет в этом вопросе столь большой роли. Если бы Ю. В. Бромлей эту страничку изъясил из статьи, ее основное содержание от этого не изменилось бы. Даже если все человечество представляло бы собой абсолютно единый расовый тип, различаясь только по культуре и языку, то и тогда положения статьи сохранили бы полную силу. Лучше было бы, чтобы большее место в статье было отведено рассмотрению культурной общности народов, которая находится в определенной взаимозависимости с той же эндогамией.

По этому поводу вспоминаются взгляды французского ученого Леруа-Гурана, который впервые попытался подойти к этносу как к структурному целому, системе. В то время как Ю. В. Бромлей говорит об этносах, размежеванных между собой как реальные живые общности, Леруа-Гуран рассматривает этносы как необходимые формы существования человеческой культуры, которые обязательно принимает культура, концентрируясь в определенных группах.

Н. Н. Чебоксаров. Я с большим интересом прочел статью Ю. В. Бромлея и полностью согласен с основными ее положениями. Меня удивило, что автора упрекают

в неисторическом понимании этноса или этнической общности. Ведь обе эти категории являются бесспорно историческими (этническая общность более широкая категория).

На заре человеческой истории не было этнических общностей. Но уже тогда существовали люди, общество и труд. Мы начинаем вместе с археологами рассматривать сложный процесс формирования первобытных племен. В будущем высшие формы этнических общностей — социалистические нации и народности, существующие в советском обществе, — сольются в единое целое.

В статье Ю. В. Бромлей нет и намека на отрицание роли социально-экономического развития в формировании различных типов этнических общностей. Все мы, работая над проблемой формирования наций, пользуемся классическим трудом В. И. Ленина «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», где показана роль экономических связей, слияния местных рынков в один рынок для процесса формирования наций, как одного из видов этнической общности.

Этнической общностью следует называть широкую категорию, включающую не только народы или этносы, но и подразделения этих народов, группы родственных народов, имеющие целый ряд общих культурных и языковых черт, вроде восточных славян; об этом я уже писал в журнале «Советская этнография» в 1967 г.

Конечно, различные типы этносов коренным образом отличаются друг от друга. Этнос — историческая категория так же, как и класс. Но было время, когда не было классов, и мы живем в период, когда классы постепенно исчезают. Были классы рабов и рабовладельцев, крепостных крестьян и феодалов, рабочих и капиталистов. Даже в советском обществе существуют дружественные классы рабочих и крестьян. Но кому же придет в голову говорить, что «класс» — не историческая категория. Подобно этому, «этнической общностью» можно называть племя или группу племен, народность, буржуазную и социалистическую нации. Но никому не придет в голову делать из этого вывод, что между племенами, этносами средневековья и нациями нет качественных различий, связанных с социально-экономическим развитием.

Однако между всеми этими этническими общностями (племенами, группами племен, народностями и нациями) есть и нечто общее, как и между всеми классами. Каждая нация, в том числе и социалистическая, является народом. Разве русская социалистическая нация или любая другая — не народ? Но не каждый народ является нацией.

Несколько слов об эндогамии. В растительном и животном мире это явление, при котором скрещивание между родственными группами или индивидами происходит более часто, чем можно было бы ожидать при панмиксии, т. е. при совершенно равновероятном скрещивании.

В истории человечества также встречаем эндогамию и экзогамию. Экзогамия в первобытном обществе — абсолютный запрет, одна из первых норм поведения, ограничивающих человека от животных. Эндогамия же обычно не является абсолютным запретом. Поэтому удобнее пользоваться термином «эндогамия» так, как это делает Ю. В. Бромлей, то есть рассматривать ее как явление, при котором большинство браков заключается внутри ограниченной группы. Эндогамия в виде абсолютного запрета нет не только в современном обществе, но и у большинства народов предшествовавших исторических эпох.

Несколько слов о соотношении этноса и популяции. Все мы, марксисты, сознаем примат социального над биологическим. В любой этнической общности брачные отношения, как внутри, так и вне ее регулируются определенными социальными факторами. Любая этническая общность представляет собой не биологическое, а социальное явление. Таким образом, закономерности развития всех этнических общностей, отношения между этническими общностями являются социальными. Однако каждая из конкретных этнических общностей всегда отличается преобладанием браков внутри нее. Это явление, общественно обусловленное, приводит к тому, что этническая общность приобретает относительно замкнутость. Она имеет тенденцию приобрести некоторые общие морфо-физиологические черты, стать популяцией в связи с действующими генетическими законами, в частности, генетико-автоматическими процессами.

Однако этот процесс исключительно разнообразен, он протекает в самых разных формах. Ю. В. Бромлей отметил только тенденцию к приобретению этническими общностями разных типов некоторых общих антропологических особенностей в результате того, что эти общности могут выполнять функции популяций.

Ни один этнос не формируется на основе биологических связей, но известная тенденция к популяционной консолидации у него нередко имеется. Вряд ли справедливо мнение, что популяций в биологическом смысле у человека нет. «Биологическое» у людей не уничтожено, но подчинено «социальному». Внутри человеческих популяций браки регулируются закономерностями социального характера. Нет свободного скрещивания, но есть преобладание браков внутри определенного этноса. Именно это и стимулирует тенденцию к популяционной консолидации. Так, например, японцы — одна из крупнейших буржуазных наций — имеют тенденцию стать популяцией, обладающей некоторым общим генофондом. Недаром в «Атласе народов мира» на карте современных рас, составленной крупнейшим специалистом Г. Ф. Дебецом, японцы закрашены особым цветом. Но мы знаем, что японский этнос сложился по крайней мере из трех этнических и вместе с тем расовых компонентов. По антропологическим материалам население Японии было смешанным, но на протяжении примерно двух тысячелетий

сформировался японский антропологический тип, в котором только с трудом прослеживаются следы его смешанного происхождения.

В. В. Покишишевский. Хотя термин «эндогамия» давно бытует в этнической науке, статья, которую мы сегодня обсуждаем, вносит в его традиционную трактовку немало нового. В ней правильно ставится вопрос о возможности применения этого термина и в узком, и в широком смысле слова. И, конечно же, законен и широкий смысл. Если понятие «эндогамия» применять даже в отношении браков внутри классовых или сословных групп, то и здесь эндогамия будет выступать как стабилизатор любой подобной группы.

Но в применении к этническим явлениям явление «эндогамии» приобретает особенное большое значение. Почему? Потому что ни в одном другом случае, применительно ни к одной другой общественной группировке, она не проявляется столь отчетливо. Даже для конфессиональных групп приходится в меньшей степени говорить об эндогамии как о стабилизаторе.

Лишь беглая фраза в статье посвящена тому, что отмеченная в ней тенденция эндогамии показывает, что не род, а племя должно рассматриваться как основная этническая группа, но это вносит существенный вклад в наши представления о первобытном обществе.

Марксизм недвусмысленно учит нас тому, что, не взирая на примат социального над биологическим, человек «не выпрыгивает» из природы, остается ее частью. Статья ценна тем, что в ней сделана попытка показать конкретный механизм связей социального с биологическим. Подключение к обычным категориям этнографической науки представлений о популяциях, о демах расшифровывает этот механизм, и я не вижу в этом никаких опасностей «биологизации» нашей науки.

Полоаю, что в дальнейшем надо: 1) Совершенствовать математический аппарат рассмотрения механизма «гомоэтничности» браков. Хотя написано немало статей, говорящих о сравнительной вероятности однородных и смешанных браков, утверждать, что у нас здесь имеется окончательно отработанная методика, пока не приходится. По-видимому, нужно ввести в вероятностные показатели факторы распыленности или компактного расселения, а у нас пока вообще еще нет «меры этнической мозаичности». 2) Попытаться определить (это, видимо, задача антропологов) те отрезки времени, в течение которых создается (или стабилизируется) «генофонд», позволяющий говорить о четкой популяции. В статье упомянут период в 5—6 поколений — в 100—150 лет, в течение которых этнос может размываться. Разработка выраженных в поколениях показателей для формирования этнически устойчивой популяции приблизила бы нас и к решению вопросов расообразования.

Л. А. Фадеев. В своей статье Ю. В. Бромлей не делает различия между институтом эндогамии, который свойствен первобытным народам, и эндогамией в применении к современным этносам, которые живут в условиях капиталистической и социалистической формаций. Несмотря на то, что в обоих случаях выступают и биологические, и социальные факторы — это качественно различные институты, ибо социальные факторы, действующие в наше время, претерпели большие качественные изменения в сравнении с первобытным обществом.

Предложенное Ю. В. Бромлеем расширительное значение термина «эндогамия», вопреки мнению Н. Н. Чебоксарова, нельзя употреблять взамен привычного нам его значения.

Институт эндогамии, подобно самому институту брака, должен существенно меняться на различных исторических уровнях. Говоря о преимущественных браках, следовало бы в каждом случае анализировать конкретную социальную обстановку и выяснять характер брака, брачных условий и запретов на каждом историческом уровне.

Представляется сомнительным положение о едином брачном круге внутри этноса. Факторы, образующие границу эндогамии между этносами, препятствуют возникновению брачных связей внутри самого этноса: дальность расстояний и пр.

Положение о брачной непрерывности необоснованно. Так, в России в XVII в. социальные факторы препятствовали заключению браков между территориальными группами (население разного рода владений, слобод и пр.). Брачный круг в некоторых случаях мог существовать, а в других случаях условий для его возникновения нет.

К такому явлению, как этнос, не следует подходить однозначно. Этнос — явление сложное, непрерывно развивающееся. Вероятно, для этноса одинаково характерна тенденция к эндогамности (в смысле термина Ю. В. Бромлея) и, в то же время, тенденция к общению с другими этносами, в том числе и брачному.

Я думаю, для человека свойственно сознание единства своего вида и, поэтому, нет избирательности в отношении других этносов.

Если мы возьмем фольклорные материалы, мы обнаружим, что в фольклоре «эндогамность» этноса совершенно не отражается. Напротив, материалы последнего говорят о широких брачных связях героев сказок и мифов.

Таким образом, при рассмотрении проблематики интеграции этноса следует учитывать эти противоречивые, противоположные тенденции.

Ю. В. Ганковский. В небольшой по объему статье Ю. В. Бромлея ставится интересная и важная в научном отношении проблема. Естественно, что на восьми страницах журнального текста нельзя было исчерпать весь комплекс сложнейших вопросов, связанных с формированием и развитием этнических общностей. Поэтому мне пред-

ставляется оправданным, что Ю. В. Бромлей сконцентрировал свое внимание только на одном из этих вопросов — соотношении категорий этноса и эндогамии. Полезнее для дела критиковать эту статью не за то, чего в ней нет, а попытаться по достоинству оценить то новое, что она вносит в наши представления об этнических процессах, протекающих в современном мире.

Все мы знаем, что этническая общность это, прежде всего, общность социально-экономическая. В первую очередь и главным образом, но не исключительно. Как всякая живая система (пользуясь социологическими категориями) она несет в себе и некоторые биологические черты. Этнические общности потому и называют социальными организациями, что они, как всякие живые системы, развиваются, воспроизводят сами себя. Но в социологии живые системы обычно трактуются, как системы открытые. Из самой же постановки вопроса в статье Ю. В. Бромлея следует, что этнические общности он считает закрытыми живыми системами. Это положение, как мне кажется, нуждается в дальнейшем теоретическом развитии и обосновании.

Мне представляется весьма продуктивной высказанная Ю. В. Бромлеем мысль о том, что эндогамия является своеобразным «интерпратором основных компонентов этноса». Конечно, этнические общности формируются в результате взаимодействия многих, весьма разнообразных по характеру и направленности, факторов. Тем более важно выяснить механизм этого взаимодействия. Поэтому попытку Ю. В. Бромлея исследовать роль эндогамии, как определенного рода регулятора этнических процессов следует оценить положительно. В этой связи, как мне кажется, заслуживает дальнейшего изучения и обоснования высказанная Ю. В. Бромлеем гипотеза о том, что «нарушение эндогамии в пределах 10%» не сопряжено со сколько-нибудь значительными последствиями для этноса.

Обращая на себя внимание, что, ставя по-новому вопрос о соотношении категорий этноса и эндогамии, Ю. В. Бромлей сумел избежать односторонней переоценки, преувеличения роли эндогамии в этнических процессах. Как он справедливо пишет, «и при сохранении этносом эндогамии не исключена возможность коренной его модификации, включая появление нового этнического самосознания». Это важное положение также заслуживает дальнейшего обоснования и изучения.

Статья Ю. В. Бромлея — новое слово в науке. В любом плане — как факт нашей научной жизни — она заслуживает самой положительной оценки.

Я. Я. Рогинский. Я взял слово для очень краткого выступления. Краткость его объясняется, во-первых, моей специальностью: я антрополог и никоим образом не могу входить в обсуждение специальных вопросов этноса и эндогамии, которые были здесь так интересно освещены специалистами. Во-вторых, передо мною выступал очень квалифицированно антрополог Н. Н. Чебоксаров и я, собственно, хочу только присоединиться к заключительной части его выступления. Главная острота полемики, которая здесь возникла, заключается в обсуждении того — биологизируются ли социальные явления. Как антрополог я абсолютно не уловил такой биологизации.

Границы расы, антропологического типа и этноса исторически могут совпадать. Таких примеров очень много и профессионально мы этому радуемся, потому что это дает возможность использования антропологического материала как исторического. Биологизация начинается с того момента, когда обществу приписываются биологические законы, когда общество рассматривается как следствие расы. Ничего подобного в очень интересной и ценной статье Ю. В. Бромлея я не усмотрел.

Мне, как антропологу, которому приходится писать статьи, касающиеся расизма, хочется напомнить об одном обстоятельстве: раса, с точки зрения советских антропологов, никогда не выступает сама по себе как причина исторических явлений, но раса может играть огромную роль, как явление, отраженное сознанием. Спросите негра, играет ли цвет кожи роль в его настроении, когда он входит в некоторые учреждения США?

А. В. Ефимов. Обсуждаемая статья Ю. В. Бромлея называется «Этнос и эндогамия». Из заголовка следует, что в статье изучено только соотношение между этносом и эндогамией. Можно ли вообще изучать отдельные стороны этнического развития? Не только можно, но и необходимо, потому что, не абстрагируя отдельных сторон общественных явлений, мы не сможем изучать жизнь общества.

Второе замечание. В столь квалифицированной аудитории, как настоящая, всем известно, что мы, марксисты, признаем роль экономического базиса. Между тем, М. С. Иванов сказал, что в обсуждаемой статье нет ни одного упоминания об экономической стороне жизни общества, классах. Вероятно, он невнимательно читал статью. А между тем в ней много таких указаний, в частности, вот одно из них: «Даже классы, а тем более сословия в тех случаях, когда они в большей или меньшей степени эндогамны, приобретают некоторые этнические свойства. В этой связи вспоминается ленинское указание о том, что при капитализме „есть две нации“ в каждой нации» (стр. 90).

Очень важен вопрос относительно общей направленности статьи. В Институте этнографии есть отдел антропологии. Нужен ли он в Институте, если учесть, что всякое обращение к антропологии — это биологизация общественных явлений? Мне кажется, такая постановка вопроса основана на недоразумении.

На последнем общем собрании Академии педагогических наук в выступлениях очень много говорилось, что один из самых больших недостатков современной педа-

гогической науки — недостаточное внимание к биологии, к биологическим процессам развития ребенка и подростка. И для этнографии вниманию к биологическим сторонам в общественном развитии совершенно необходимо. Есть единая история природы и общества. Создавать безлюдную этнографию, оторванную от не вызывающего сомнений факта, что именно люди с их биологической и общественной природой делают историю и создают этнические общности, никак не приходится.

Я считаю, что статья Ю. В. Бромлей очень полезна. Это, безусловно, марксистская научная статья, которая является некоторым показателем научного развития и роста нашего Института. Наблюдая работу нашего Института, участвуя в ней, я с большим удовлетворением могу отметить значительное улучшение этой работы, рост Института, большое внимание к теоретическим проблемам.

И. С. Гурвич. Статья Ю. В. Бромлей привлекает большое внимание, так как в ней сделана попытка осмыслить сущность основной категории, которой оперирует наша наука. Автор взял на себя труд осветить внутреннюю механику устойчивости этноса и указал на большое значение брачной замкнутости или круга брачных связей. Браки, заключаемые в пределах данного этноса, именуются в статье эндогамными. Ничего плохого в том, что термин «эндогамия» толкуется расширительно, я не вижу. Лучше использовать имеющийся термин, чем вводить в науку какой-либо новый. М. С. Иванов указывал здесь, что термин эндогамия имеет привкус первобытности, но в этот термин не всегда вкладывают «первобытное» содержание.

Выдвинутая и обоснованная в обсуждаемой статье гипотеза может быть подтверждена фактическим материалом по малым народам Крайнего Севера. В 1844 г. камчатцы своих сородичей. Она состояла из двух в прошлом взаимно брачующихся родов — Долган и Улган.

В 1957 г. мне пришлось обследовать этих так называемых быстринских эвенков Камчатки. Они насчитывали в своем составе около 400 чел. У быстринцев почти за сто лет обособленного существования сложился свой диалект, свои особенности в культуре. Это результат эндогамии. Быстринцы редко смешивались с соседями — коряками, ительменами, так как этому препятствовали языковой барьер, различия в хозяйстве и бычаях.

Можно привести немало примеров по Северу и того, как прорыв эндогамии приводит к разрушению этноса, образованию новых этнических общностей. Укажу на алеутов Командорских островов. Первые алеуты были доставлены сюда в 1826 году, они смешивались с приехавшими рабочими — русскими, украинцами, цыганами, но преобладали браки, заключаемые в своей среде. В связи с этим, хотя хозяйство островитян менялось, прочно сохранялся алеутский язык, самосознание, ряд культурных особенностей. Но в последние десятилетия положение изменилось. Освоение островов вызвало наплыв переселенцев. Смешанные браки алеутов с пришельцами, как показала наша экспедиция 1968 г., составляют около 40%. Преобладающая часть алеутов распределена по смешанным семьям. Из среды пришлого населения алеутов выделяет лишь особое национальное самосознание и некоторые особенности в быту. Однако это временные факторы.

Несколько слов по поводу выступления Л. А. Фадеева. Действительно, многие народы имеют сложную этническую структуру, и, естественно, браки заключаются преимущественно в отдельных локальных или этнографических группах. Но при этом имеются потенциальные возможности для заключения браков и за пределами своей группы, препятствием служит обычно расстояние. При усилении общения это препятствие, так же как и другие, снимается и брачный круг расширяется.

Статья Ю. В. Бромлей представляется мне важным шагом вперед в изучении этноса.

А. И. Першиц. В статье Ю. В. Бромлей статистически установлен тот факт, что этническая общность в силу абсолютного преобладания в ней эндогамных браков в той или иной степени совпадает с популяцией, то есть с биологической общностью. Этот факт мог бы быть оценен более точно — не просто в процентах одноэтничных браков, а с использованием метода сопоставления показателей однопородности к смешанной брачности. Однако и принятый автором метод оценки вскрывает несомненный факт, следовательно, обсуждать можно лишь вытекающие из него выводы.

Известное совпадение границ этнической и биологической общности может быть истолковано с принципиально различных позиций — расистских и антирасистских. Расисты пытаются говорить о доминирующей роли биологической общности, якобы обуславливающей собой свойства этноса, определяющей его историю и культуру. В действительности, известное совпадение границ этноса и популяции — продукт исторического развития: исторически сложившаяся общность территории, языка, культуры и этнической общности. Таким образом, показав роль эндогамии в соотношении этноса и популяции, Ю. В. Бромлей дал еще один теоретически важный аргумент для борьбы против расизма и тем самым внес серьезный вклад в нашу науку.

Вместе с тем статья, на мой взгляд, не свободна от нечеткостей. Я считаю, что об эндогамии можно говорить как о стабилизаторе, но не как об интеграторе этнических общностей.

З. П. Соколова. В одной из своих работ я сделала вывод, который совпадает с выводами статьи Ю. В. Бромлей: «Думается, что определенное значение в сложении

этих групп играли брачные связи, так как при преобладании браков в пределах этих групп и могли сформироваться особенности языка, культуры и быта»⁶ (речь идет об этнографических, территориально-диалектальных группах хантов и манси). Архивные материалы XVIII—XIX вв. показывают, что у обских угров преобладали браки в пределах административных волостей (например, в пределах Березовского уезда), которые, по всей вероятности, совпадали с территориально-диалектными группами хантов и манси.

Этот материал подтверждает положение Ю. В. Бромлея относительно роли преимущества заключения браков внутри этнических групп для сохранения их устойчивости. У хантов и манси не столько семья, сколько женщина, была носительницей традиций, которые переходили из поколения в поколение. Естественно, если жену брали в пределах определенной территории, то наблюдалась и преемственность в культуре. Как отмечал автор статьи (об этом же говорил С. А. Токарев), роль эндогамии, замкнутости брачных связей, преобладающих браков внутри определенной группы, влияние эндогамии на сохранение устойчивости этноса были известны. Но изучали мы обычно роль смешанных браков. Заслуга Ю. В. Бромлея в том, что он подчеркнул именно роль эндогамии.

Представляется, что следовало бы обратить внимание на взаимосвязь эндогамии со всеми остальными особенностями этноса, которые сами влияют на сохранение эндогамии. Вероятно, не следует считать эндогамию признаком, доминирующим над остальными особенностями этноса. Надо учитывать также, что при прорыве эндогамии происходит не только разрушение этноса, но и создание нового этноса. Следовательно, и эндогамия, и ее прорыв являются признаками этноса. Лишь на определенном этапе существования этноса эндогамия может являться его признаком.

Г. Е. Марков. Обсуждение статьи Ю. В. Бромлея «Этнос и эндогамия» — примечательное событие в научной жизни этнографов. И прежде всего это связано с содержанием работы, ее направлением, с тем, что в ней ставятся впервые многие важные и интересные теоретические проблемы и намечаются существенно новые перспективы исследования вопросов, связанных с формированием этнических общностей. Основное новое, что усматривается в статье, это разработка проблем взаимосвязи эндогамии и этноса, действия объективного механизма этнической интеграции; взаимоотношения эндогамии и «генетического барьера» и различного порядка этнических образований и «популяций», содержащих определенный генофонд. Следует сразу сказать, что высказанные в адрес Ю. В. Бромлея упреки в «биологизации» рассматриваемых явлений не имеют под собой оснований. Биологическим явлениям отводится то место, какое они заслуживают, и автор достаточно ясно подчеркивает первенствующее значение в развертывании этнических процессов социально-экономических, политических и других факторов.

Ю. В. Бромлей рассматривает значение брачных ограничений, эндогамии главным образом, на примере земледельческих народов. Есть основания считать, что его теоретические выводы особенно наглядно и убедительно могут быть применены к кочевничеству. Общественная организация, племенная структура кочевников связана с эндогамией и «генеалогическим родством». Поэтому эндогамия играет существенную роль в этнических процессах у подвижных скотоводов. Но при этом, в случае необходимости, довольно легко происходит прорыв брачных барьеров, оправдываемый традициями «генеалогического родства».

Очень важно, что Ю. В. Бромлей обратил внимание на значение проблем популяций, генетического барьера применительно к этническим явлениям. По существу, это первая постановка данного вопроса в этнографической литературе. Эти проблемы должны разрабатываться и дальше. Можно думать, что не следует дословно переносить биологическое определение популяции на человеческое общество. И здесь открывается большой простор для теоретической мысли: каково соотношение популяций и небольших изолированных общностей; крупных народов, обитающих в однопациональных странах; народов в многонациональных государствах и т. д.

Остановлюсь на некоторых замечаниях, сделанных автору статьи. Ему было брошено обвинение в том, что некоторые его положения близки к взглядам народников, и в частности Михайловского, подвергнутых В. И. Лениным суровой критике. Отвечая народникам, В. И. Ленин высмеял их предположение о том, что национальные государственные связи являются продолжением и развитием родовых. Таким образом, В. И. Ленин рассматривал проблему развития общественной организации, социально-экономических общностей (см. В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократии?, Полн. собр. соч., т. I, стр. 153, 154). Статья Ю. В. Бромлея посвящена частной проблеме, не рассматривает развития социально-экономической общественной организации, а трактует этнические общности, этнос, что далеко не одно и то же. Таким образом, обвинение попадает не по адресу.

Теперь о терминологии. Что касается терминов, связанных с определением этнических общностей, то здесь возражений нет. Но в отношении расширительного толкования термина «эндогамия», следует согласиться с С. А. Арутюновым, что оно не совсем удачно. Как потому, что оно лишает этот, термин конкретности, так и из-за

⁶ Глава «Социальная организация обских угров и селькупов» в монографии «Общественный строй народов Сибири в XVIII—XIX вв.», в печати.

возможности его «фетишизации» (как с «родом» у кочевников), после чего могут начаться поиски первобытных корней в современных брачных барьерах. Думается, что под собственно эндогамией надо понимать социально и юридически действующий институт, известный у первобытных народов, в кастах, у кочевников и т. п. В рамках современных этнических общностей брачные барьеры не являются прямым запретом, элементом социально функционирующей системы, а лишь отражают определенные социальные, экономические и другие явления.

И последнее: следует подчеркнуть исследовательский дух статьи, стремление к теоретической разработке важных вопросов, смелую постановку проблем.

И. М. Золотарева. Обсуждаемая статья Ю. В. Бромлея «Этнос и эндогамия» интересна для антропологов не меньше, чем для этнографов. В этнографической литературе не часто обращаются к таким понятиям как популяция, их взаимосвязь и соподчиненность, обсуждению значения величины брачного круга. Пользуясь разъяснением автора о применении им термина «эндогамия» (стр. 84), антрополог видит в нем отражение определения «круг брачных связей». А с этим понятием сталкивается любой исследователь, занимающийся конкретной историей развития определенной группы, включая и формирование ее антропологического типа. Действительно, антропологические типы выступают в наиболее определенной, стабильной форме именно в популяции, характеризующейся сравнительно небольшой численностью, ограниченной величиной круга брачных связей, сохраняющегося в течение ряда поколений. Такой первоначальной единицей популяции В. В. Бунак предложил считать «дем», с примерной численностью около 5 тыс. человек. Вероятно, эта величина численности не универсальна, но она подтверждена для ряда популяций русских Сибири.

Если под влиянием каких-либо социальных причин нарушается барьер данного круга, и процесс гетеро-этнических связей приобретает постоянный характер, естественным следствием является «размывание» данного комплекса антропологических особенностей, вступают в силу иные показатели изменчивости.

Относительно количественного выражения метисации — 10—15% смешанных браков, которое считается сравнительно «безопасным» для целостности этноса, — представляется, что здесь следует иметь в виду изначальную численность популяции. Возможно, что, например, для мелких групп коренных народностей севера Сибири «выход» за пределы популяции на этом очень невысоком уровне (10—15%) приведет к сравнительно быстрому изменению ее этнических показателей (как этнографических, так и антропологических).

Весьма сложный вопрос — срок образования популяции, формирования ее современной антропологической характеристики. Недостаточная изученность генетической природы антропологических признаков, в частности расовых, пока не позволяет с достаточной точностью определять «возраст» данной популяционной характеристики группы. Несколько легче представить модель развития изолята, и уже сделаны интересные попытки математического подсчета числа поколений, прошедшего для образования современного распределения генов групп крови в некоторых группах коренного населения Сибири (Ю. Г. Рычков). Поиски в этом направлении весьма перспективны.

Иногда в ведении популяционно-генетических понятий в анализ этнической истории усматривают некоторую «биологизацию исторического процесса», что связано прежде всего с известной разобщенностью разных разделов науки, занимающихся изучением этнической истории конкретных групп населения, и, с другой стороны, с недостаточностью широко поставленной информации, касающейся развития популяционно-генетических исследований у нас в стране и за рубежом. Небесполезно в связи с этим вспомнить и другую сторону этих исследований, теснейшим образом связанную с борьбой с разными формами расизма, — многократную констатацию антропологами, биологами, генетиками фактов отсутствия биологически вредных последствий межнациональных и межрасовых браков. Это направление работ представлено обширной литературой, но, может быть, наиболее ярким документом является «Декларация о расе и расовых предрассудках» (1967), выработанная ЮНЕСКО, в подготовке которой, особенно в ее биологической части, существеннейшая заслуга принадлежит именно советским антропологам.

В целом, в связи с бурным развитием нового направления науки о человеке, когда все большее значение приобретают результаты антропогенетических исследований популяций человечества, внесение Ю. В. Бромлеем этих конкретных категорий в сумму наших знаний о развитии этноса — явление совершенно закономерное и перспективное.

И. А. Крывелев. В обсуждаемом вопросе следует выделить три аспекта: терминологический, фактический и методологический. Не нужно связывать исследователя обязательством применения общепринятых терминов в их общепринятом значении. Если ему нужно в интересах точности (как он ее понимает), лаконичности или даже эмоциональности изложения создать новый термин, употребить в новом смысле старый или заимствовать термин из другой научной дисциплины, он имеет на это право. Надо лишь, чтобы он при этом точно определил понятие, обозначаемое этим термином, и не подменял значение последнего, а в нужных случаях, применяя термин в другом смысле, специально оговаривал это. В докладе и статье Ю. В. Бромлея понятие и термин «эндогамия» применены в более широком смысле, чем это делается обычно; так как он при этом дает определенное обоснование своей семантики термина и читателю впол-

не ясно, о чем идет речь, то основания для возражений здесь нет. Нужно ли говорить «этнос» или «этническая общность» — опять-таки принципиального значения не имеет; с моей точки зрения, эти термины взаимозаменяемы, а первый имеет преимущество большей лаконичности.

Факты, на которых основаны обсуждаемые доклад и статья, настолько очевидны, что спорить против них — дело безнадежное, да и ненужное. Первым из них является то, что эндогамия закрепляет этнические рубежи, а ее систематическое нарушение таковые рубежи размывает. Вторым следует признать то обстоятельство, что длительное соблюдение эндогамии способствует закреплению некоторых анатомо-физиологических особенностей, характерных для данного этноса, а в некоторых случаях — возникновению и закреплению новых. При этом, чем меньше масштабы того этноса, о котором идет речь, тем этот процесс идет интенсивней и выражен более ярко. Отсюда, однако, вытекает вопрос, имеющий большое принципиальное значение: не означает ли тезис о сопряженности с этносом популяции биологизаторского подхода к общественным явлениям? Полагаю, что обсуждаемые доклад и статья не дают оснований к такого рода опасениям.

В выступлении Л. А. Фадеева было сказано, что так как этнос представляет собой сложное явление, то к нему нельзя подходить «в однозначном плане». Если понимать под «однозначным планом» научный прием абстрагирования одной из сторон сложного явления с целью анализа именно этой стороны, то такое запрещение надо признать неправильным, ибо без анализа отдельных сторон нельзя синтезировать явление в его целом. В данном случае автор поставил своей задачей рассмотреть специально те последствия, — в том числе и биологические, — которые вытекают для этноса из факта длительно и систематически соблюдаемой эндогамии. Важнейшим условием правильности применения этого приема является установление связи рассматриваемой стороны явления со всеми другими сторонами, установление ее места во всем явлении. Противопоставлена лишь абсолютизация того вопроса, который интересует исследователя. В данном случае этого нет, так как автор рассматривает трактуемую им биологическую сторону проблемы не как самодовлеющую и абсолютную, а как подчиненную и относительно (см. журнал «Советская этнография», 1969, № 6, стр. 91).

Биологические закономерности в обществе продолжают существовать, поэтому откажутся от их исследования нет никаких оснований. Надо, однако, помнить, что они действуют здесь, будучи включены в комплекс закономерностей более высокого социального порядка, т. е. в диалектически снятом виде. Это касается и важнейшей проблемы нашего обсуждения. Процесс превращения этноса в популяцию происходит в сложном переплетении ряда социальных факторов, некоторые из них отсутствуют ему, другие — содействуют или противостоят, причем влияния последнего рода особенно сильны. Поэтому указанный процесс остается лишь тенденцией, не находящей своего завершения.

В. П. Алексеев. Человек — существо социальное. Это не означает, однако, что биологическая его природа и вызываемые ею закономерности не играли большой роли в его истории. Многие стороны этих закономерностей вошли в историческую науку и изучаются отдельными ее разделами. Так, процесс воспроизводства человека, отражение его в социальных взаимоотношениях поколений широко рассматривается в этнографии, в той ее части, которая занимается изучением семьи. Другому биологическому компоненту человеческой истории — популяции не повезло и она, за немногими исключениями, вообще стоит пока за рамками исторического исследования.

Существует довольно строгая и хорошо разработанная теория популяций в биологии. В первые годы своего возникновения она имела в основном абстрактно-математическую форму, но затем была дополнена многочисленными конкретными наблюдениями, и в настоящее время представляет собою краеугольный камень теории эволюции.

Человеческие популяции, т. е. группы людей, вероятность заключения браков внутри которых выше, чем за их пределами, изучаются пока недостаточно. Само определение популяций говорит, что они отделены одна от другой генетическими барьерами. В биологии в качестве генетических барьеров выступают географические и репродуктивные факторы, у человека огромную, по-видимому, решающую роль приобретают социальные моменты: системы брачных связей, диалектные различия, этнографические традиции, самосознание и т. д. Изучение человеческих популяций пока и проводится преимущественно в части выяснения влияния изоляции на внутрипопуляционную структуру. Однако уже сейчас напрашивается общий вывод, имеющий кардинальное значение для теории расоведения, — популяция представляет собой микроячейку расообразования. Соответственно, старые типологические взгляды на расу как на сумму индивидуумов все больше отходят в прошлое. Место их практически уже заняла концепция расы как иерархии популяций.

Вместе с тем следует, как мне представляется, отметить, что изоляция оказывает значительное воздействие не только на генетическую структуру популяции, но и на чисто исторические явления. Внутри изолированной группы фиксируются определенные особенности быта и культуры. Изоляция ведет к выделению диалектных различий в языке. В изолированной группе закрепляется динамический стереотип поведения и создаются предпосылки для формирования самосознания и противопоставления «своих» «чужим».

Этнос также обладает популяционной структурой. Все крупные народы имеют в своем составе многочисленные этнографические группы. Кстати сказать, все

эти группы приурочены к районам большей и меньшей степени изоляции. Этнографические группы в свою очередь распадаются на территориальные общности в соответствии с размерами кругов брачной связи. Последние, как правило, охватывают одно или несколько селений. Это и есть популяции. Таким образом, этнос, как и раса, имеет популяционную структуру.

Значит ли это, что этнические и расовые общности совпадают? Нет, не значит, хотя отдельные примеры географического совпадения этноса и расы имеют место (Япония, частично Восточная Европа, Кавказ, Австралия). В целом между ними нет причинной связи, потому что популяции по-разному группируются в пределах расы и в пределах этноса. В первом случае они группируются в соответствии с преимущественно биологическими законами расообразования, во втором — в соответствии с социальными законами исторических процессов. Скорость действия тех и других разная, поэтому-то расовая структура человечества в основном отражает ранние этапы его истории, поэтому же антропологический материал особенно эффективен как исторический источник, когда речь идет о древних эпохах.

Так как этнические границы в современную эпоху играют роль генетических барьеров, в известной мере этнос можно рассматривать как популяцию, что отмечалось в обсуждаемой статье. Однако, здесь важно учитывать координату времени. Как показывают математические расчеты в теории популяции, превращение многомиллионного этноса в однородную популяцию требует колоссального периода времени, что теоретически хотя и возможно, но практически имеет место редко. Этим, видимо, в первую очередь и объясняется преобладание случаев географического несовпадения расовых и этнических общностей над случаями совпадения.

Л. Н. Терентьева. Вопросы, поднятые в статье Ю. В. Бромлей, меня очень интересуют, так как среди выполняемых мною в последние годы работ значительное место занимают исследования роли семьи в этнических процессах, причем центральное место занимает изучение динамики браков, национальности брачующихся, влияние факторов образования национально-смешанных семей на ход этнических процессов в различных регионах нашей страны. Накопленные нами материалы, на известную часть которых ссылается Ю. В. Бромлей, подтверждают его основные положения о влиянии частоты национально-смешанных браков на формирование этносов. Разделяя точку зрения автора на то, что нарушение эндогамии неизбежно приводит к качественным изменениям данного этноса или двух взаимодействующих этносов, я хотела бы вместе с тем обратить внимание Ю. В. Бромлей и на то, что он, как мне кажется, преувеличивает и абсолютизирует разрушительную силу для этноса фактора этнических смещений в семье, степень модификации этноса и тем более возможность его полного исчезновения. Последнее обусловлено рядом взаимодействующих факторов, которые в конкретной ситуации по-разному влияют на этнические процессы, отраженные в семье, как первичной ячейке общества. При этом результат этнического смещения имеет не только разрушительную, но и созидательную силу, что в статье почти не отмечено.

Мне кажется также неправомерным считать эндогамию, т. е. преимущественное заключение браков внутри данного этноса, непременным свойством этнических общностей и выделять это явление в качестве одного из признаков этноса.

Эндогамия этноса не является чем-то неизменным, навсегда данным. Это явление обусловлено рядом факторов. О некоторых из них говорится в статье, как о барьерах, образующих границы эндогамии. Мне кажется, что эндогамия следует рассматривать не как признак, а скорее как определенное состояние этноса, обусловленное именно наличием барьеров, искусственно сдерживающих естественный процесс межэтнического общения и смешения. По мере исчезновения этих барьеров возрастает интенсивность межэтнического общения, и эндогамия постепенно утрачивает свое прежнее господствующее положение. Эти процессы и тенденции особенно характерны для нашей советской действительности. Таким образом, если и видеть в эндогамии отличительный признак этноса, то следует оговорить, к каким историческим эпохам явление в наибольшей мере относится.

В. И. Васильев. Каждый этнос независимо от его численной величины можно представить состоящим из цепи взаимопересекающихся эндогамных кругов, которые сами по себе охватывают сравнительно небольшие в численном отношении части этноса, но в совокупности создают тот общий эндогамный круг, который, как справедливо полагает Ю. В. Бромлей, несомненно следует считать одним из важных характерных признаков этноса.

Прорыв эндогамии, как правило, происходит на периферии этноса в результате разрушения его пограничного эндогамного круга (или кругов) при взаимодействии с другим этносом. Результаты этого взаимодействия различны и не обязательно приводят к формированию нового этноса. Часто один этнос при взаимодействии с численно уступающим ему другим этносом оказывается побежденным. Точнее, пограничный эндогамный круг первого этноса, оказавшись разрушенным и в силу ряда причин изолированным от основного этнического ствола, будучи охвачен другим эндогамным кругом соседнего более многочисленного этноса, может быть последним поглощен. Примером в этом отношении служит процесс сближения на основе энецкого языка лесных энцев и ненцев в низовьях Енисея. Процесс образования нового этноса на основе прорыва эндогамности в одном или нескольких этносах одновременно (или даже их частях) скорее представляется исключением. Обычно происходит последовательное

разрушение внутренних эндогамных кругов одного из этносов, результатом чего является его дальнейшая ассимиляция. Лишь в тех случаях, когда в силу конкретных исторических причин отдельные части крупных или мелких этносов оказываются в отрыве от основных этнических массивов и благодаря этому охватываются новым эндогамным кругом, прорыв эндогамности происходит одновременно в каждой из этих частей и приводит в итоге к образованию нового этноса (например, схождение долган на основе синтеза отдельных групп якутов, эвенков и русских старожилов).

Несколько слов о так называемом эндогамном барьере. Кроме природных условий, государственно-административных границ, а также религии, в числе признаков, способствующих образованию эндогамных границ, можно назвать также факторы этнокультурные и этнопсихологические. В настоящее время в связи с широким освоением природных богатств приток русского и иного некоренного населения в районы Крайнего Севера чрезвычайно возрос. Однако браки между приезжим населением и народами Севера все еще достаточно редки и у последних отмечены главным образом в среде интеллигенции.

Т. Д. Златковская. В этнографической литературе неоднократно обсуждался вопрос о признаках, определяющих этнические общности. В статье Ю. В. Бромлей рассмотрен один из них — эндогамия. Это исследование стоит на стыке биологии и этнографии; в последнее время именно стыковые темы дают науке наибольший эффект. Однако ни из обсуждаемой статьи Ю. В. Бромлей, ни из его докладов нельзя вывести заключения, что эндогамии придается значение единственного или даже ведущего признака этноса. Недавно, например, на заседании этнографической комиссии Географического общества им был сделан доклад, посвященный иному фактору — общности культуры, как одному из признаков, определяющих общность этноса.

Можно привести множество примеров из античной истории, подтверждающих существование эндогамии, строго соблюдаемой не только в масштабе народа, но и полиса (города-государства). Известен закон, изданный Периклом, по которому афинским гражданам считался лишь тот, кто родился от обоих родителей — афинских граждан. По существу, этот закон запрещал или почти сводил на нет экзогамные браки. Эти примеры из греческой мифологии и истории, которые можно было бы умножить, подтверждают роль эндогамии в сохранении античных этнических общностей.

Ю. В. Бромлей (Ответ на выступления). Передавая статью в журнал для публикации в дискуссионном разделе, я тем самым стремился привлечь внимание научной общественности к недостаточно изученному аспекту этнических явлений, узнать мнение коллег относительно поставленных вопросов. Эта цель в ходе настоящей дискуссии достигнута. В ней приняли участие 21 человек и она имела остро полемический характер. И это существенно облегчает мою задачу, ибо во многих выступлениях в той или иной мере уже были предвосхищены мои ответы на отдельные замечания по поводу обсуждаемой статьи.

В ходе дискуссии, к сожалению, не обошлось без некоторых крайностей. В частности, была явно преувеличена значимость обсуждаемой статьи, новизна поставленных в ней вопросов. Ведь применительно к отдельным этническим общностям значение эндогамии отмечалось и прежде (см. выступления З. П. Соколовой, И. С. Гурвича). Словом, идея эндогамности этноса уже давно висела в воздухе, о чем свидетельствует и упоминаемое в статье выступление К. В. Чистова. Что же касается генетического аспекта обсуждаемой проблемы, то его рассмотрение было вообще невозможно до сравнительно недавних существенных перемен в нашей биологической науке.

Другую крайность, на мой взгляд, представляет выступление М. С. Иванова. И, хотя несостоятельность основных положений этого выступления неоднократно отмечалась в прениях, все же нелишне вернуться к нему еще раз.

Прежде всего относительно утверждения М. С. Иванова о том, что употребление термина «эндогамия» применительно к современности якобы стирает разницу между первобытнообщинным строем и современным обществом. Это утверждение явно игнорирует тот уже неоднократно упоминавшийся в ходе дискуссии факт, что термин «эндогамия» употребляется в статье не в том узкоспециальном смысле, какой мы привыкли придавать ему, имея в виду один из институтов первобытнообщинного строя, а в более широком значении. А это коренным образом меняет дело. Ведь, как известно, существуют общественные явления, действующие в рамках не одной, а сразу нескольких или даже всех социально-экономических формаций. Им соответствуют, так сказать, межформационные категории. К числу таких категорий относится и понятие эндогамии, употребляемое в буквальном смысле этого слова. Очень удачно в данной связи заметил Н. Н. Чебоксаров, что в марксистской литературе термин «класс» употребляется, например, для обозначения и рабов, и современных буржуа, но никому не придет в голову на этом основании делать вывод, что класс, как социальное явление, в таком случае рассматривается не исторически. Следуя же доводам М. С. Иванова, из признания им такой «межформационной» категории, как «этническая общность», неизбежно пришлось бы сделать вывод об отсутствии у него исторического подхода к этническим общностям, о стирании им различий между отдельными типами таких общностей. Но в том-то и дело, что при рассмотрении межформационных категорий исследователь вправе абстрагироваться от особенностей, присущих отдельным разновидностям этих категорий, ибо для него в данном случае существенны не различия между такими разновидностями, а то общее, что их объединяет. И если, скажем, мы отмечаем, что

языковая общность характерна для всех типов этноса, то это отнюдь не значит, что тем самым не остается «места для исторического подхода к рассмотрению проблем этнической общности». Нет необходимости специально доказывать, что аналогичным образом дело обстоит и с эндогамией, рассматриваемой в статье в качестве одного из «сквозных» свойств всех типов этносов, когда они находятся в относительно устойчивом состоянии. Вместе с тем не может не вызвать недоумения то обстоятельство, что, говоря о стирании в статье различий между этносами разных формаций, М. С. Иванов как бы не заметил, что в ней неоднократно идет речь о таких исторически сменяющихся типах этноса, как племя, народность, нация (стр. 84, 85, 86, 87, 90, 91).

Статья, как следует из ее названия, посвящена проблеме взаимосвязи этноса и эндогамии. Иными словами, из всех многочисленных аспектов этнических явлений взят лишь один. О правомерности такого подхода уже говорилось в прениях (А. В. Ефимов, И. А. Крывелев и др.). Но из этого следует, что, раскрывая роль эндогамии в функционировании этноса, совсем не обязательно касаться всех остальных, уже не раз отмечавшихся факторов, играющих большую или меньшую роль в формировании и существовании этносов (в том числе и экономики). На этих элементарных положениях, к сожалению, приходится специально останавливаться, поскольку М. С. Иванов именно на том основании, что из всех свойств этноса главное внимание уделено в статье эндогамии, делает заключение, будто в ней язык, культура и территория не признаются характерными признаками этнических общностей. Между тем, в первых же строках статьи прямо говорится, что «этнос вообще и отдельные его типы в частности в нашей научной литературе обычно определяются как совокупность различных общностей: территориальной, языковой, культурной и т. д.» (стр. 84). Отнесение этих компонентов этноса (в первую очередь языка и культуры) к основным легко прослеживается и на протяжении всей статьи (стр. 87, 88, 89, 91).

Не может служить основанием для рассматриваемого утверждения М. С. Иванова и ссылка на то, что в статье отмечается наличие территориальной, языковой и культурной общности наряду с этносом и у некоторых других видов социальных образований (стр. 91). Факт этот бесспорен. Но сама по себе его констатация отнюдь не умаляет значения языка и культуры как основных этнических свойств. (Подобным же образом то обстоятельство, например, что экономика является важным компонентом наций, отнюдь не противоречит признанию за ней роли основного структурообразующего фактора общественно-экономических формаций). Более того, нельзя не подчеркнуть еще раз, что в статье эндогамия прямо называется **дополнительным** признаком (стр. 91). В свете этого факта (а его М. С. Иванов, хотя и с оговорками, вынужден признать) утверждение, что в статье эндогамия рассматривается как основной признак этноса, вряд ли может быть сочтено достаточно объективным.

Попытка доказать, будто в статье сущность этноса сводится к эндогамии и имеет место неисторический подход к объекту исследования, предпринимается М. С. Ивановым с далеко идущей целью. Именно на этом и базируется прежде всего его утверждение о том, что в статье «этническая общность приобретает характер не общественно-исторического явления и общественно-исторической категории...», а биологической категории. Между тем, как мы только что могли еще раз убедиться, в действительности, в статье к основным свойствам этноса относятся такие общественно-исторические явления, как язык и культура. Это во-первых. А во-вторых, в статье не только не отрицается, но напротив, неоднократно подчеркивается факт существования различных общественно-исторических типов этноса (племя, народность, нация). Но, как известно, коль несостоятельны аргументы, то и основанные на них выводы должны быть оценены соответствующим образом.

Правда, М. С. Иванов находит еще один дополнительный аргумент: автор статьи, по его словам, «объявляет этническую общность антропологической (то есть расовой) группой». Однако, как уже отмечалось, во-первых, в основном тексте статьи вообще не употребляется термин «антропологическая группа», он фигурирует лишь в резюме на английском языке, во-вторых, в английском языке этот термин отнюдь не тождествен понятию расовая группа. К этому следует добавить, что и в специальной литературе на русском языке биологические, в том числе антропологические подразделения, не сводятся лишь к расам, а включают, в частности, и популяции — общности, далеко не всегда совпадающие с расами тех или иных таксономических уровней.

Не случайно поэтому многие участники дискуссии (в том числе видные антропологи) сочли необходимым специально подчеркнуть, что в статье нет и намека на биологизацию социальных явлений (см. выступления Я. Я. Рогинского, Н. Н. Чебоксарова, А. В. Ефимова и др.). Не менее показательно, что соответствующий тезис М. С. Иванова не был поддержан ни одним из участников дискуссии, хотя в ходе ее был высказан ряд замечаний по отдельным конкретным вопросам.

Переходя к рассмотрению этих замечаний, прежде всего следует вновь вернуться к вопросу о правомерности употребления термина «эндогамия» в прямом смысле слова. Сомнение в такой правомерности было высказано несколькими выступавшими (С. А. Арутюновым, Л. А. Фадеевым, Г. Е. Марковым). Эти сомнения подкрепляются в первую очередь ссылками на непривычность предлагаемого значения термина эндогамия, предпочтительность однозначности каждого термина. Однако, как известно, история науки знает бесконечное множество примеров, когда для обозначения явлений, ранее остававшихся вне поля зрения исследователей, начинали употреблять в но-

вом значении слова, уже давно имевшие сложившуюся семантику. При этом практика обычно довольно быстро делала и новую семантику привычной. И в этом отношении настоящая дискуссия, несомненно, немало способствовала упрочению широкой трактовки термина «эндогамия», тем более, что речь по существу идет о восстановлении первоначального прямого значения этого термина. Показательно, что многие выступавшие и даже те, которые возражали против такой трактовки термина эндогамия, в ходе дискуссии употребляли его именно в широком значении. Некоторое недоумение вызывает замечание Г. Е. Маркова о том, что «расширительное толкование термина эндогамия», лишает его конкретности. В действительности дело обстоит как раз наоборот. Ведь, говоря о фактической, а не только нормативной эндогамии, мы получаем возможность даже количественного ее выражения, о чем наглядно свидетельствует приведенный в статье статистический материал. Что же касается опасения Г. Е. Маркова относительно фетишизации эндогамии при расширительном толковании этого термина, то оно, на наш взгляд, напрасно. Ведь, как известно, фетишизация того или иного явления отнюдь не предопределяется термином, который употребляется для его обозначения (сам же факт существования того явления, которое соответствует буквальному значению слова «эндогамия», как следует из выступления Г. Е. Маркова, не вызывает у него сомнений).

Интересный вопрос поднят С. А. Арутюновым в его замечании о том, что «при любом % смешанных браков, если их потомство распределяется поровну между брачующимися этносами,— этнос не убывает». Отсюда же делается вывод, что «дело не в % смешанных браков, а в социальной обусловленности этнического выбора у потомков». Однако вопрос этот, на мой взгляд, несколько сложнее, чем он представляется С. А. Арутюнову. Действительно, в указанном им случае формально количественное соотношение обоих этносов, связанных брачными отношениями, остается тем же. Но при этом не следует забывать, что основным показателем сохранения этого соотношения выступает такой субъективный показатель, как этническое самосознание. Между тем вследствие смешанных браков неизбежно усиливается взаимная диффузия этнических свойств этносов, представители которых вступают в брачные отношения. В результате удельный вес традиционных (этнических) свойств у каждого из этих этносов объективно все же убывает. И это обстоятельство при условии неоднократного воспроизводства смешанных браков в конечном счете не может не сказаться на определении этнической принадлежности. Притом масштабы такого рода последствий смешанных браков для этноса. разумеется, тем значительнее, чем выше удельный вес таких браков. А поскольку он всегда выше у меньшего из двух брачующихся этносов, именно этот этнос вследствие повторяющихся смешанных браков при прочих равных условиях обычно быстрее подвергается ассимиляции.

Л. А. Фадеев поставил под сомнение существование брачной непрерывности внутри этноса. При этом он сослался на то, что, например, в России XVII в. социальные факторы препятствовали заключению браков между территориальными группами. Однако данная ссылка явно не учитывает, что этносы существуют на протяжении целого ряда поколений и, следовательно, рассматривая брачную непрерывность в этническом плане, отнюдь не следует ограничиваться одним — двумя поколениями. Между тем хорошо известна значительная подвижность границ феодальных владений: обычно даже на протяжении жизни одного собственника они не оставались неизменными (как вследствие войн, так и различных дарений, продажи, закладов и т. п.). А такое изменение границ, естественно, перемещало социальные барьеры, препятствующие заключению браков между жителями соседних селений. К тому же не следует абсолютизировать и непроницаемость самих социальных барьеров. Неправомерной представляется также содержащаяся в выступлении Л. А. Фадеева тенденция к отождествлению значимости факторов, препятствующих заключению браков внутри этноса, и тех, которые образуют эндогамную границу между этносами. Такое отождествление по крайней мере не учитывает того, что в последнем случае ко всем прочим барьерам прибавляется этническое самосознание. В том, что оно немаловажно, убеждают довольно многочисленные случаи почти полной брачной изолированности этнических групп, проживающих попеременно на одной и той же территории. Вместе с тем, нельзя не признать, что в области конкретного исследования так называемых кругов брачной связи сделано еще очень немного и очевидна настоятельная необходимость их систематического изучения.

Спорным представляется мнение А. И. Першица, что «об эндогамии можно говорить как о стабилизаторе, но не как об интеграторе» этноса. На мой взгляд, замкнутость круга брачных связей не только обеспечивает значительную устойчивость поколенной преемственности культуры (стабилизация), но и способствует усилению ее единообразия внутри такого круга (интеграция). Это связано с тем, что с каждым новым поколением в пределах эндогамной единицы в результате заключения браков происходит обмен представителями (или представительницами) между семьями, содействующий «выравниванию» культуры внутри такой единицы. Нельзя при этом не учитывать и того, что эндогамия в известной мере препятствует культурной диффузии между этносами.

Не могу согласиться и с возражениями Л. Н. Терентьевой, высказанными ею по поводу привлечения эндогамии в качестве одного из дополнительных ориентиров для выделения этнических общностей. Эти возражения не учитывают весьма существен-

ной оговорки, сделанной в статье: данный ориентир, сказано в ней, «имеет силу лишь применительно к этносам, находящимся в типичном, т. е. устойчивом состоянии» (стр. 91). Необходимо напомнить и о том, что, как было показано несколько выше, представление о возможности относительно длительного сохранения этноса в случае господства в нем смешанных браков является иллюзорным. И это полностью относится к современной эпохе, в которой, хотя и наблюдается некоторая общая тенденция к увеличению смешанных браков, однако преобладание эндогамии обычно остается обязательным условием сохранения этноса.

Не останавливаясь на некоторых других частных расхождениях с отдельными участниками обсуждения, в заключение хочу лишь подчеркнуть что, на мой взгляд, значение этого обсуждения несколько выходит за рамки вопроса о роли эндогамии в функционировании этноса как устойчивой системы. Рассмотрение генетического аспекта эндогамии заставило затронуть более широкую, но нередко остававшуюся в тени, проблему соотношения социального и биологического в жизни человечества. Конечно, проще всего эту проблему вообще полностью сбросить со счета. Однако человек представляет собой единство двух начал — социального и биологического. Соответственно еще Ф. Энгельс подчеркивал, что, согласно материалистическому пониманию истории, производство бывает двойного рода: с одной стороны — производство средств существования и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека (см. К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч. т. 21, стр. 25—26).

Сочетание этих двух видов производства особенно наглядно проступает в такой общественной ячейке как семья. И, хотя мы привыкли рассматривать ее преимущественно в социальном плане, тем не менее наличие у семьи биологической стороны тоже достаточно очевидно и поэтому не нуждается в особых доказательствах. Но есть биологическая (антропологическая) сторона также у этноса. Ведь каждый этнос обладает, например, таким преимущественно биологическим показателем — как половозрастной состав. Более того, в рамках каждого этноса имеется определенная направленность процессов воспроизводства его антропологической структуры. Это, в частности, связано с преимущественным заключением браков внутри устойчивых этносов (эндогамия) всех исторических типов. Дело в том, что относительно замкнутый круг брачных связей обычно открывает возможность для выравнивания внутри него антропологических различий за счет увеличения генетической однородности. Правда, реализация этой возможности зависит от целого ряда уже упоминавшихся факторов, в первую очередь длительности существования этноса. Поэтому антропологические процессы, протекающие внутри сопряженных с этносами популяций (особенно крупных), нередко не успевают привести к сколько-нибудь значительным результатам, представляя фактически всего лишь тенденцию к выравниванию их антропологической структуры.

Этносоциальные и антропологические явления не только просто сопряжены, но и определенным образом взаимодействуют. Примером воздействия первых на вторые может служить то уже отмечавшееся обстоятельство, что в роли генетического барьера этноса обычно выступают прежде всего социально-этнические факторы. Что же касается влияния антропологических явлений на социально-этнические, то в этой связи несомненный интерес представляет тезис А. В. Ефимова о том, что в известных исторических условиях раса становится социальной категорией.

В целом, однако, нельзя не признать, что проблема взаимодействия этнических и антропологических явлений в нашей литературе остается еще недостаточно разработанной. Совершенно очевидно, что для реализации этой задачи необходимо тесное сотрудничество этнографов и антропологов, в первую очередь в рамках Института этнографии АН СССР. Правда, еще существует психологический барьер, мешающий такому содружеству: элементы некоторого предубеждения (кстати, довольно отчетливо проявившиеся в отдельных выступлениях) относительно правомочности выхода за формальные границы своих научных дисциплин, фетишизация этих границ. Надо надеяться, что настоящая дискуссия будет содействовать преодолению этих тенденций, а тем самым и всестороннему изучению диалектического единства социального и биологического в истории народов мира.

* * *

От редакции. Как показали материалы дискуссии, почти все выступавшие поддержали основные положения статьи Ю. В. Бромлея «Этнос и эндогамия», высказав в то же время ряд интересных соображений, которые будут содействовать дальнейшей творческой разработке поднятых в статье проблем.

Присоединяясь к общей положительной оценке обсуждаемой статьи, редколлегия журнала «Советская этнография» особо отмечает, что в статье плодотворно рассматривается один из наименее изученных аспектов кардинальной методологической проблемы — соотношения социального и биологического.

Устное обсуждение статей, напечатанных в дискуссионном разделе журнала — одна из форм привлечения к этим дискуссиям широкого круга специалистов. Редакция предполагает и впредь публиковать материалы таких обсуждений.